

Морозова Маргарита Евгеньевна

КОММУНИКАТИВНЫЙ ТИП ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОДИНОЧКИ В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В немецкой художественной литературе выделен феномен "немецкого одиночества", получивший свое "поле проблемности" в дискурсивной форме. Не событийное, проживаемое лично состояние одиночества интенционально явлено в языке и получает свои параметрические характеристики, делающие возможным познание данного феномена в личностном или культурном отношении. В статье выводится коммуникативный тип одиночки в дискурсе художественной литературы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/9-2/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (51): в 2-х ч. Ч. II. С. 144-148. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.11.112/821.112.2

Филологические науки

В немецкой художественной литературе выделен феномен «немецкого одиночества», получивший свое «поле проблемности» в дискурсивной форме. Не событийное, проживаемое лично состояние одиночества интенционально явлено в языке и получает свои параметрические характеристики, делающие возможным познание данного феномена в личностном или культурном отношении. В статье выводится коммуникативный тип одиночки в дискурсе художественной литературы.

Ключевые слова и фразы: немецкая художественная проза; социо-психологическое состояние одиночества; речевое поведение; интерсубъективное значение; интерсубъективное взаимодействие; интенциональность; субъектность одиночества; архетипический образ на фоне разных культурных контекстов; инвариант универсального культурного символа; коммуникативный тип.

Морозова Маргарита Евгеньевна, к. филол. н., доцент
Пятигорский государственный лингвистический университет
mar.mor@mail.ru

**КОММУНИКАТИВНЫЙ ТИП ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОДИНОЧКИ
В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ[©]**

Литература любой культуры представляет собой совокупности художественных текстов, которые ученые-исследователи отделяют друг от друга. В основу такого отделения они закладывают некие конвенционально устанавливаемые метрические параметры и судят о них с позиции формулируемых ими самими же целей исследования. Предметом таких исследований становились жанровые тенденции в современной литературе того или иного периода в развитии культуры, наличие реалистических или романтических настроений в художественной прозе, актуальность того или иного героя и героини как литературных образцов в соответствии с новой эпохой, композиционные закономерности художественных текстов и др.

Естественно, что социальная, национальная, а также историческая детерминированность характеров литературных персонажей, в первую очередь, репрезентирована в языке, который также становится предметом изучения, теперь уже других ученых в других исследованиях – лингвистических.

Целью данной статьи, ставится описание субъектности одиночества, занимающего значимое место в мировой художественной литературе: Г. Г. Маркес «Сто лет одиночества»; М. Ю. Лермонтов «Мцыри», «Герой нашего времени»; Жан-Жак Руссо «Исповедь»; Мигель де Сервантес «Дон Кихот»; Антуан де Сент-Экзюпери «Маленький принц»; В. Гёте «Страдания молодого Вертера» и др. Мы ограничимся в своем исследовании текстами художественной прозы немецких авторов.

Поскольку одиночество признается одним из социо-психологических состояний, оно экзистенциально присутствует в бытии каждого человека, оно не событийно, а проживается каждым человеком персонально (не коллективно). Мы, соответственно, вправе предполагать, что данное состояние интенционально присутствует в языке и, как следствие, оказывает существенное влияние на речевое поведение персонажа, маркировано проявляющееся в языковой, то есть фактологической материатуре художественного произведения.

К понятию интенциональности [13] обращаются многие ученые, работающие в разных сферах знаний. В средневековой схоластике в ней видели смысловую направленность чувственно-воспринимающего и духовного познания, в феноменологии – направленность индивидуального сознания на предмет как основу активных действий сознания. Аристотель называл такую направленность «разумной» в ее стремлении к благу, а в средневековой философии она понимается как один из принципов познания, происходящего на уровне интеллекта.

В идеалистической философии XIX-XX вв. выделяют отношение к интенциональности Ф. Brentano и Э. Гуссерля. Соотнесенность психических феноменов с каким-либо объектом рассматривалась как тип отношения к предмету, на чем Ф. Brentano построил свою классификацию таких типов. Интенциональность как акт сознания у Э. Гуссерля всегда направлена на что-либо и выступает сознанием чего-либо. В ряду предметных актов сознания – восприятие, воспоминание, фантазия, желание, формы мышления и рефлексии. Все они определяются соответствующим предметным содержанием. Причем интенциональность как будто бы конституирует сознание, наполняя его определенным значением и смыслом.

Связанность индивидуального сознания с неким значимым для него объектом А. Шюц [12] называет повседневной интенциональностью. Благодаря ей конкретный индивид вкладывает в данный объект свое субъективное содержание. Интенциональность, таким образом, призвана стать ключевым понятием, с помощью которого феноменология сделала попытку преодолеть противопоставленность «эмпиризма» «интеллектуализму». Последний заключает индивидуальное представление целиком и полностью в рамки индивидуального сознания. Эмпиризм же являет совокупность обыденной жизни как доступный нашему сознанию мир фактов.

Основным предметом исследований феноменологической социологии А. Шюц определяет анализ смысловых структур повседневного мира или социальной реальности. Люди в ней (социальной реальности) живут среди других людей и связаны многообразными отношениями непосредственного и опосредованного взаимодействия. Интенциональный объект, интенционально порождающий субъективные значения, включается в среду сосуществования с другими субъективными значениями и устанавливается как конституент

интерсубъективных значений. Так конституируется социальная реальность, в основе которой жизненный мир – «мир здравого смысла» [11]. В этой реальности человек переживает культуру, т.е. определенным образом относится к окружающим объектам, воздействует на них и в то же время находится под их воздействием. Отправной точкой подхода к такому миру является восприятие его как само собой разумеющегося, не подлежащего сомнению, но подлежащего рационализации посредством различных типизаций. В Жизненном мире, хотя он и является общим для всех пространством, в котором осуществляется социальное действие, каждый человек «размещается» особым образом. И тогда рационализация понимается как интерпретация мира с целью так называемого управления своим «размещением» в нем.

Ричард Шведер [10], называющий себя культурным психологом, видит в интенциональности основную характеристику той реальности, которую мы переживаем опытным путем. Посредством такого опыта мы конструируем (само слово *intentional* / сконструированный) свой мир (естественно, вымышленный), который, тем не менее, определяется культурными парадигмами. Культура любого общества задает путем интерсубъективных взаимодействий некую логику мышления, отличную от логики мышления других культурных обществ (например, номинация одиночества и ее синонимический ряд в немецкой лингвокультуре значительно шире, по данным Н. В. Подзолковой [7], чем в русской). На основании такой логики люди создают свое представление о себе самих и об окружающем их внешнем мире (так, одиночество в русском языковом сознании, по данным Н. В. Подзолковой [Там же], сопровождается отрицательными коннотациями, а в немецком – наблюдается амбивалентная аксиология). По этой логике культурная интенциональность (интенциональность отдельной культуры) задает параметры интенционального мира, населенного интенциональными личностями, и, следовательно, любая рациональность в таком мире тоже интенциональна.

Культурная антропология заинтересована в развитии самых разных антропологических концепций, только чтобы они становились релевантным способом, позволяющим интерпретировать личности в интенциональных мирах. Так, понятие интенциональности вывело американского философа Дж. Сёрля с его теорией речевых актов в лингвистику [22]. Если мир интенционален в отношении интенциональной же личности, то интенциональность личности и культуры возможно познавать. Интенциональность как опыт (личностный и культурный) имеет в социальной реальности свое выражение, свой выход в индивидуальную либо типизированную речь. Сказанное субъектом речи есть неоднозначно и небезразлично переживаемое человеком, что предполагает не только аксиологическую маркировку, а, следовательно, и экспликацию субъективных смысловых структур, но и порождение социальных типов, характеризующихся соответствующим типом коммуникативного поведения.

Поскольку мы обращаемся в данной статье к субъектности одиночества на материале немецкого языка, то надеемся обосновать тип коммуникативного поведения такого субъекта.

В списке произведений немецкой литературы, трактуемых как драма одиночества, произведения нововерхненемецкого периода, начавшегося приблизительно с перевода М. Лютером Библии. Несмотря на религиозный характер (молитвы, катехизис и т.д.) или явный перевод с латыни, труды того периода носят просветительский характер и актуализируют тему духовного становления главного персонажа. XVI век дал анонимную *Народную книгу о докторе Фаусте*, изданную Иоганном Шписом (1587), которую в немецкой культуре воспринимает истинным зеркалом нового мировоззрения, в центре которого беспредельное своеволие героя в его устремлении к универсальному знанию. Тема обретения отдельным героем добродетели в награду за свою рассудительность, скромность и веру в милосердие Божие проводится, в частности, в назидательных комедиях К. Ф. Геллерта (1715-1769). И. К. Готшед в своей работе *Опыт критической поэтики для немцев* (1730) провозглашает разум и «искание» (Erfindung) высшими целями литературы на примере необходимости нравственного урока для молодого человека. Новаторская работа А. Шницлера (1862-1931) – повесть о лейтенанте Густле – написана в форме внутреннего монолога и посвящена субъективному исследованию реакций индивида на свое окружение и самого себя. Отношение к миру после Первой мировой войны вынудили Р. М. Рильке к поиску собственного (эзотерического) миропонимания в *Дуинских элегиях* (1923) и *Сонетах к Орфею* (1923). В. Раабе (1831-1910), в поисках прибежища от пессимистических настроений, погружается в диковатый для него мир одиноких маленьких людей. Тема самообретения и отчуждения волнует М. Фриша (1911-1991), а смятение индивида после Первой мировой войны отражено в поздних романах Г. Гессе (1877-1962). Исповедальная открытость авторов от *Монтока* (1975) Фриша до *Ленца* (1973) П. Шнайдера (1940) и *Юности* (1977) В. Кёппена (1906-1996) обнажает проблематику личного опыта. Одиночество героев Т. Манна (1875-1955) обусловлено крахом их стремлений, ощущением упадка и приближающегося конца. Гротескны в своем одиночестве персонажи Г. Манна (1871-1950), хотя и создают впечатлительные массовости типа: «Профессор Гнус» или «Верноподданный». А жизнь Ф. Ницше, по его работам «Человеческое, слишком человеческое» (1878), «Так говорил Заратустра» (1885), «По ту сторону добра и зла» (1886), «К генеалогии морали» (1887), «Сумерки идолов» (1888) названа С. Цвейгом «самой потрясающей драмой человеческого духа», «нечеловеческим воплем духовного одиночества», простершегося «через весь мир, через всю его жизнь от края до края» [4, с. 166]. И это далеко не полный список одиночек в немецкоязычной литературе. Заметим здесь, что тема одиночества только за редким исключением прямо или косвенно задается в названии произведения (В. Гёте *Страдания молодого Вертера*).

Изучая образ Фауста как один из центральных в ряду символов европейской культуры, Д. Барышникова в работе «Фауст в литературе: трансформация образа» [1] задается вопросом: в каком качестве возможно использование образа Фауста – в качестве символа или метафоры? Фаустовская тема у Гёте рассматривается как «парадигматическая поэма новоевропейского сознания». А О. Шпенглер в своей работе «Закат Европы» (1918) назвал европейскую культуру с X по XIX вв. Фаустовской культурой. Своим исследованием Д. Барышникова

выявляет спад актуальности образа Фауста к XX веку, т.е. потерю его символического значения, что выражается в использовании его преимущественно в качестве метафоры.

Фактически исследователь ставит вопрос по поводу принципиальной возможности принимать архетипический образ на фоне разных культурных контекстов (Прометей – богоборчество, самопожертвование; Гамлет – рефлексия; Дон Кихот – эйфорическое желание осчастливить мир, победив зло) инвариантом универсального культурного символа с набором определённых общечеловеческих черт, который способен повторяться в культуре с различными контекстуальными подробностями. Повествовательные вариации в период между возникновением образа ученого мужа, одинокого в своей противоречивой раздвоенности, в XVI в. и формированием гётевской формы истории о Фаусте представляют собой кристаллизацию определенной проблематики, а расхождения в её версиях Д. Барышникова [Там же, с. 140] называют культурными интерпретациями этой проблематики. Фауст – символ дерзаний и связанных с ними сомнений по поводу границ дозволенной свободы, в структуру которого включен образ индивидуалистического бунтаря (одержимого гордыней) против авторитета (человек борется с Сатаной в одиночку): «*Mich plagen keine Skrupel noch Zweifel, Fürchte mich weder vor Hölle noch Teufel*». / Меня не мучают ни угрызенья, ни сомненья, не страшен мне ни ад, ни чёрт [14, С. 27].

Французский структуралист Жак Деррида в статье «Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук» (1966) рассматривает понятие структуры как «ряд замещений одного центра другим». Предполагая обязательное наличие чего-то в центре и некоторую организацию вокруг него, структура воспринимается инвариантом такой организованности (Богоцентризм, антропоцентризм). В этом ряду также *eidōs*, *archē*, *telos*, *energeia*, *ousia* (сущность, существование, субстанция, субъект), *al-etheia*, трансцендентальность, сознание. Ж. Деррида снова производит замену центра, помещая в центр язык, тем самым делая мир лингвистическим: «языки завладевают универсальным полем проблемности; в этот-то момент – в отсутствие центра, или начала, – решительно все становится дискурсом (при условии, что мы будем понимать под этим словом систему, в которой центральное, исходное, или трансцендентальное, означаемое способно наличествовать лишь в системе различий)» [3, с. 409]. Как это и описано выше: образ, конституирующий идею в форме символа, обретает новые действительности через форму метафор.

Так, герой-одиночка, будучи символом культурной эпохи, обитает в мире идей (Прометей, Фауст, Гамлет, Дон Кихот). Метафора же укоренена в языке и, по Д. Барышниковой [1, с. 143], акцентирует семантический аспект символического образа, сохраняя его целостность в новой контекстуальной реальности (*противоречивый и дисгармоничный Гарри Галлер Г. Гессе, философствующие Томас Будденброк и Ганс Касторп Т. Манна, раздвоенный Эндерлин, назвавший себя Гантенбайном, М. Фриша, иррациональный землемер К. Ф. Кафки, шут с трагическим мировосприятием Ганс Шнир Г. Бёлля, бесконечно уставший скептик доктор Равик Э. М. Ремарка и многие другие*).

Перечисленное в метафоре олицетворяет то, что Т. Манн в «Романе одного романа» [5, с. 224] об истории написания своего «Доктора Фаустуса», назвал «немецким одиночеством». Это явление, так обыденно представленное в немецкой художественной литературе, получило, по Ж. Деррида, свое «поле проблемности», явленное дискурсивно, причем в исследовании Н. В. Подзолковой [7] этот дискурс обретает аксиологическое разделение на положительные и отрицательные переживания, т.е. трактуется в немецком языковом сознании как амбивалентное образование.

К положительным, по все вероятности, можно отнести: *die Absonderung*, *die Abgeschlossenheit* / *Abgeschiedenheit* / уединение; *die Bewunderung*, *das Entzücken* / восхищение; *die Besinnlichkeit* / созерцание; *das Bestreben* / стремление; *die Einbildung* / воображение; *der Einsiedler* / отшельник; *die Erwartung* / ожидание; *die Fantasie* / фантазия; *die Fremdheit* / чуждость; *der Glaube* / вера; *die Hoffnung* / надежда; *die Leere* / пустота; *die Liebe* / любовь; *Liebeskummer* / любовная тоска; *die Freiheit* / свобода; *das Interesse* / интерес; *die Neigung*, *die Sympathie* / симпатия; *die Ruhe* / покой; *das Selbstwertgefühl* / самоуважение; *der Wunsch* / желание; *die Überlegung* / размышление; *die Verblüffung*, *die Verwunderung*, *das Erstaunen* / удивление; *die Verzeihung*, *das Vergeben* / прощение; *das Verbindungsverhalten* / привязанность; *das Vergnügen*, *die Wonne* / наслаждение; *das Wohlgefallen* / удовольствие.

К отрицательным переживаниям стоит причислить: *die Absonderung*, *die Abgeschlossenheit* / *Abgeschiedenheit* – уединение (амбивалентное состояние, по сути); *Abkapselung* / замкнутость; *der Abstoß*, *die Abneigung* / отвращение; *die Beziehungslosigkeit* / отсутствие контактов; *die Einöde* / *Einsamkeit* / одиночество; *der Egoismus* / эгоизм; *der Ekel*, *das Elend* / беспредельное горе; *die Entwurzelung* / отщепенство; *die Enttäuschung* / разочарование; *das Entsetzen*, *das Gefühl seiner Unwertigkeit*, *seiner Nichtigkeit* / чувство своей ничтожности, никчемности; *das Grausen*, *das Grauen* / ужас; *die Qual* / мука; *Heimweh* / тоска по родине, *Heimatlosigkeit* / безродность; *der Hochmut* / высокомерие; *die Isolation* / *Isolierung*, *Isoliertheit* / изоляция; *Kälte* / холод; *der Kummer* / тоска; *der Labirint* / лабиринт; *die Menschenscheue* / боязнь людей; *der Menschenfeind* / нелюдим; *das Schicksal und der Missverstand* / судьба и непонимание; *der Schmerz* / боль; *die Selbstverachtung* / презрение к самому себе; *der Selbsthass* / ненависть к себе; *inneres Sterben* / внутреннее умирание; *der Übermut* / *Hochmut* / гордыня; *die Unruhe* / тревога; *die Vereinsamung* / одиночество; *die Verlassenheit* / беспомощность, заброшенность; *die Weltverachtung* / презрение к миру; *die Verzweiflung* / отчаяние; *die Zurückgezogenheit* / отдаление от людей и т.д.

Помимо восприятия одиночества в категориях предметного мира, уровень ощущения одиночества в дискурсе художественной литературы (на материале немецкого языка) выражается также глаголами и прилагательными / причастиями: *ein hoffnungsloses, freudeloses Dasein* / безнадежное, безрадостное существование; *einsamer, von unsäglicher Angst getrieben* / ведомый неопишным страхом; *frostig und nutzlos sein* / быть холодным и бесполезным в своем одиночестве; *in die Enge gepreßt von der entsetzlichen Not ihres Herzens* / загнана в угол ужасной тоской, таящейся в ее сердце [15, S. 236]; *verödet und gelähmt von Erkenntnis* / изнуренный

и обессиленный познанием [19, S. 116]; *verarmt, erschöpft von kalten und künstlich erlesenen Exaltationen, verirrt, verwüstet, zermartert, krank* / бедный, измученный холодными и утонченными экзальтациями, запутавшийся, опустошенный, изломанный, больной [Ibidem].

Факт выявления концептуальной системы «*Einsamkeit* / одиночество» в немецком языке, образованной афоризмами, паремиями, метафорой, фразеологическими единицами, синонимическим рядом, композитами, номинациями в форме субстантиваций, глаголами и атрибутами (т.е. системы, обладающей высокой семиотической плотностью), говорит о высокой значимости самого интенционального субъекта одиночества в немецкой лингвокультуре. Анализируя дискурсивный материал немецкого «художественного одиночки», мы приходим к выводу, что инвариант его структуры может быть типизирован на основании употребления указанных выше номинаций чувства одиночества, а также типового употребления афористических и фразеологических единиц (чаще всего это сочетания глаголов и существительных или прилагательных и существительных): *und empfand bittere Angst* / и ощутил горькое чувство страха; *Er war ungesellig* / Он был не общительным; *sein Bedürfnis nach Einsamkeit* / его потребность в одиночестве; *die schreckliche Gewissheit* / страшное осознание; «...eine Schuld, die ich allein und selber ausfressen mußte». / ...вина, с которой мне предстоит справиться самому, в одиночестве [16, S. 20], «*sie fühlt sich allein, verlassen von aller Welt*» / она чувствовала себя одинокой, покинутой всем миром [15, S. 236]. Инвариант «художественного одиночки» может быть индивидуализирован и с помощью средств языка, применяемых для выражения индивидуального, каждый раз неповторимо-особенного внутреннего ощущения одиночества (в этом ряду композиты и субстантивации, авторские окказионализмы, метафорические сравнения и другие стилистические средства): «*Die Beobachtungen und Begegnisse des Einsam-Stummen*» / наблюдения и искания одиноко молчащего [19, S. 116]; «*Ich glaube wirklich, ich bin für den menschlichen Verkehr verloren*» / Я действительно понимаю, что потерял для общения с людьми [18, S. 180]; «*Da kam, mit der Qual und dem Hochmut der Erkenntnis, die Einsamkeit...*» / И в этот момент, вместе с мукой и гордыней познания, пришло одиночество [19, S. 77]; «...*vielleicht man ahnte es, dass man den Tod in sich hatte wie die Frucht den Kern...*» / ...вероятно, догадываешься, что смерть носят в себе, как плод косточку [20, S. 305]...; «*Für einen Augenblick empfand ich..., daß mein Weg jetzt immer weiter bergab und ins Finstere führe*». / На какой-то миг я ощутил, что мой путь теперь все дальше будет идти по наклонной, во мрак [16, S. 19].

Интенциональный мир одинокого человека устанавливается на фоне сопоставления себя с внешним миром, вернее исключения себя из этого мира – мира людей (типизация: ..., *in einem Einsamkeitsgefühl*, ... / ощущая одиночество), но такое исключение, в свою очередь, подвергается следующей типизации: самоопределения себя одиночкой, т.е. активного исключения себя из мира людей (*sein Bedürfnis nach Einsamkeit* / Его потребность в одиночестве) либо ощущения / констатации / обнаружения себя одиночкой как пассивное (рефлектирующее) осознание себя таковым («*sie fühlt sich allein, verlassen von aller Welt*» / она ощутила себя одинокой, покинутой всем миром) – осознание выпадения себя из общего мира. Разная степень (градация) типичности усугубляется индивидуальной рациональностью интенциональной личности. Основа же типизации – общее с другими людьми пространство социального действия перестает быть таковым:

– «Du, Geist der Erde, bist mir näher; Schon fühl ich meine Kräfte höher, Schon glüh ich wie von neuem Wein. Ich fühle Mut, mich in die Welt zu wagen, Der Erde Weh, der Erde Glück zu tragen, Mit Stürmen mich herumzuschlagen Und in des Schiffbruchs Knirschen nicht zu zagen» [14, S. 31]. / Мне дух Земли родней, желанней. Благодаря его влиянию я рвусь вперед, как во хмелю. Тогда, ручаюсь головой, готов за всех отдать я душу И твердо знаю, что не струшу в свой час крушенья роковой – тип бунтаря, которому тесно в мире людей;

– «Ach, wo ist Bleibens auf der Welt, Ein redlich, ein gefriedet Feld, Ein Blick, der hin und her nicht schweift Und dies und das und nichts ergreift...» / Ах, где в мире устойчивость, где честная, огражденная нива, где взор, который не скользит туда и сюда, чтобы схватить это и то – и ничто? Где дух, который строит и собирает [2, с. 8]? – тип неудовлетворенности, осознание себя вне мира людей.

Как видно, художественный одиночка интенционально развивает специфический коммуникативный тип, репрезентирующий специфическое коммуникативное (речевое) поведение – не конвенциональное (поведение, подразумевающее диалог), по своей сути, а поведение констатаций, не предполагающее диалога. Такой тип, в принципе глубоко содержательный, интенционально склонный преимущественно к рефлексивному внутреннему монологу с доминантой в личностном «Я» или абстрактному типу рассуждений между темами «Жизнь» и «Смерть»:

– «Der große Tod, den jeder in sich hat, das ist die Frucht, um die sich alles dreht». / «Leben und Tod: sie sind im Kerne eins» [21, с. 54, 248]. / ...и смерть внутри любого существа, как плод всего, чем плоть увлечена. / Жизнь и смерть, по сути, одно;

– «Alle Leiden sind Freuden, alle Schmerzen scherzen, Und das ganze Leben singt aus meinem Herzen: Süßer Tod, süßer Tod Zwischen dem Morgen- und Abendrot!» [2, с. 28]. / Все страдания – упоения, все муки – шутки, и вся жизнь поет из моего сердца: о, сладостная смерть, сладостная смерть между утренней и вечерней зарей!

Это противоречие – антиномия интенционального и конвенционального – характерное для теории речевых актов, затрудняет определение иллокуции высказывания, основанной только лишь на её интенциональном аспекте. Субъективное значение высказывания в терминах намерения в принципе подлежит распознаванию, однако, в случае художественного одиночки мы имеем дело с «конститутивным намерением», которое в трактовке Дж. Сёрля [9, с. 153] оперирует новыми формами поведения, не разделяемыми обществом:

– «Wer sich begreift aus seinem eignen Stamme der preßt sich selber zu dem Tropfen Weins und wirft sich selber in die reinste Flamme». / Кто весь свой род поднимет над корнями, тот станет каплей, крепкой, как вино, и сам войдет в живительное пламя [21, с. 248];

– «...er wurde immer unabhängiger, niemand hatte ihm zu befehlen, nach niemandem hatte er sich zu richten, frei und allein bestimmte er über sein Tun und Lassen» / он становился все более независимым, никто не мог ему приказать, он ни на кого не равнялся, сам и своевольно он решал, что ему делать или не делать [17, С. 55].

Как следует из теории речевых актов, высказывание должно содержать тот или иной показатель коммуникативности намерения. Однако, как мы видели, речевой акт не всегда представляется конвенциональным действием. В некоторых случаях иллокутивная сила высказываний не параметрична и остается до конца не раскрытой, что свидетельствует о специфическом коммуникативном типе. В случае художественного одиночки он, как социальный тип, продолжает жить в парадигме коммуникативной необходимости. Однако его социальная задача выполняется только наполовину: ему достаточно интенциональности говорящего; противоположный полюс слушающего замкнут на нем самом. Такое «разобщенное целое» по М. А. Потапову [8, с. 168], когда не весь комплекс человеческого действует согласованно.

Список литературы

1. Барышникова Д. Фауст в литературе: трансформация образа // Труды РАН. 2012. № 10. С. 139-148.
2. Брентано К. Избранное: сборник / на нем. яз.; сост. С. С. Аверинцев. М.: Радуга, 1985. 576 с.
3. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. С. 407-427.
4. Леонова Е. А. Немецкая литература конца XIX – начала XX вв. // Ковалева Т. В. и др. История зарубежной литературы (Вторая половина XIX – начало XX века). Минск: Завигар, 1997. С. 166-198.
5. Манн Т. Роман одного романа // Манн Т. Собрание сочинений: в 10-ти т. / пер. с нем.; под ред. Н. Н. Вильмонта, Б. Л. Сучкова. М.: Худож. лит-ра, 1960. Т. 9. 687 с.
6. Манн Т. Смерть в Венеции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=190806> (дата обращения: 12.06.2015).
7. Подзолкова Н. В. Концепт «одиночество» в немецкой и русской лингвокультурах: дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2005. 223 с.
8. Потапов М. А. Концепции субъектности в религиозных традициях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3. Ч. 1. С. 168-170.
9. Сёрль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике: сборник / пер. с англ.; сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой, В. З. Демьянкова; общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. Теория речевых актов. С. 151-169.
10. Шведер Р. Моральные карты, «уловки первого мира» и новые евангелисты // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона (Culture Matters. How Values Shape Human Progress / eds. L. Harrison, S. Huntington N. Y.: Basic Books, 2000). М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 186-206.
11. Шюц А. Некоторые структуры жизненного мира // Личность. Культура. Общество / пер. А. Н. Портнова, М. А. Кукарцева. М.: Независимый институт гражданского общества, 2007. Вып. 2 (36). С. 52-68.
12. Шюц А. О множественных реальностях // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. В. Г. Николаева, С. В. Ромашко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 401-456.
13. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
14. Goethe J. W. Faust. Verlag «Neues Leben». Berlin, 1966. 518 S.
15. Goethe J. W. Sämtliche Werke nach Epochen seines Schaffens. Der junge Goethe 1757-1775. München: Verlag btb., 2006. Band 1.2. 944 S.
16. Hesse H. Demian // Hermann Hesse Die Romane und die grossen Erzählungen. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1998. Band 3. S. 5-160.
17. Hesse H. Der Steppenwolf und unbekannte Texte aus dem Umkreis des «Steppenwolf». Frankfurt am Main: Verlag Suhrkamp, 1972. 335 S.
18. Kafka F. Briefe an Felice und andere Korrespondenz aus der Verlobungszeit (Auswahl). Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1985. 269 S.
19. Mann T. Es geht um den Menschen... М.: Verlag Progress, 1976. 343 S.
20. Rilke R. M. Ausgewählte Prosa. М.: Verlag Raduga, 1984. 630 S.
21. Rilke R. M. Gedichte. Стихотворения: сборник / на нем. яз. с параллельным русским текстом; сост. В. Куприянов. М.: ОАО Издательство «Радуга», 2001. 320 с.
22. Searle J. R. Speech Acts: an Essay in the Philosophy of Language. London: Cambridge University Press, 1969. 212 p.

COMMUNICATIVE TYPE OF AN ARTISTIC LONER IN THE GERMAN LITERATURE

Morozova Margarita Evgen'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Pyatigorsk State Linguistic University
mar.mor@mail.ru

In the German fiction they identified the phenomenon of “German Loneliness” which acquired its own “problematic field” in the discursive form. Not eventive, personally experienced the state of loneliness is intentionally represented in the language and acquires its parametric characteristics making it possible to understand this phenomenon in the personal or cultural aspect. The paper presents the communicative type of loner in the discourse of fiction.

Key words and phrases: German fiction; socio-psychological state of loneliness; verbal behaviour; intersubjective meaning; intersubjective interaction; intentionality; subjectivity of loneliness; archetypical image against the background of different cultural contexts; invariant of a universal cultural symbol; communicative type.